

Рисунки Н. Гришина

Джехан Шуман привык иметь дело с высокопоставленными людьми, руководящими раздираемым войной государством. Он составлял программы для автоматических счетных машин самого высшего порядка. Поэтому генералы — хоть он и был только штатским — прислушивались к его мнению. Председатели комитетов конгресса — тоже.

Сейчас в отдельном зале Нового Пентагона присутствовало по одному представителю тех и других. Генерал Уэйдер был темен от космического загара. Его маленький ротик все время сжимался кружочком. У конгрессмена Бранта было гладко выбритое лицо и светлые глаза. Он курил денебианский табак с видом человека, патриотизм которого настолько известен, что такую вольность можно себе позволить.

Высокий, изящный Шуман, программист I класса, глядел на них без страха.

— Джентльмены, — произнес он, — это Майрон Ауб.

— Человек с необычайными способностями, открытый вами случайно, — безмятежно сказал Брант. — Помню.

Он разглядывал маленького лысого человечка с выражением снисходительного любопытства.

Человечек беспокойно шевелил пальцами, переплетал и расплетал их. Ему никогда еще не приходилось сталкиваться со столь великими людьми. Он был всего лишь пожилым техником низшего разряда, когда-то он провалился на всех экзаменах, предназначенных для отбора самых одаренных, и с тех пор

застрял в колее неквалифицированной работы. У него была одна страстишка, о которой пронюхал великий программист и из-за которой поднялась эта страшная шумиха.

Генерал Уэйлер сказал:

— Я нахожу эту атмосферу таинственности детской.

— Сейчас вы увидите, — возразил Шуман, — это не такое дело, чтобы рассказывать первому встречному. Ауб! — В том, как он бросил это односложное имя, было что-то повелительное, но так подобало говорить великому программисту с простым техником. — Ауб, сколько будет, если девять умножить на семь?

Ауб поколебался, в его бледных глазах появилась тревога.

— Шестьдесят три, — сказал он.

Конгрессмен Брант поднял брови.

— Это верно?

— Проверьте сами, сэр.

Конгрессмен достал из кармана счетную машинку, дважды передвинул ее рычажки, поглядел на циферблат у себя на ладони, потом сунул машинку обратно.

— Это вы и хотели нам показать? — спросил он. — Фокусника?

— Больше чем фокусника, сэр. Ауб запомнил несколько простых операций и с их помощью ведет расчеты на бумаге.

— Бумажный счетчик, — вставил генерал со скучающим видом.

— Нет, сэр, — терпеливо возразил Шуман. — Совсем не то. Просто листок бумаги. Генерал, будьте любезны задать число.

— Семнадцать, — сказал генерал.

— А вы, конгрессмен?

— Двадцать три.

— Хорошо. Ауб! Перемножьте эти числа и покажите джентльменам, как вы это делаете.

— Да, программист, — сказал Ауб, втянув голову в плечи. Из одного кармана он извлек блокнотик, из другого — тонкий автоматический карандаш. Лоб у него собрался складками, когда он принялся выводить на бумаге затейливые значки.

Генерал Уэйлер резко бросил ему:

— Покажите, что там.

Ауб подал ему листок, и Уэйлер сказал:

— Да, это число похоже на семнадцать.

Брант кивнул головой.

— Да, но мне кажется, скопировать цифры со счетчика сможет всякий. Думаю, что мне и самому удастся нарисовать семнадцать даже без практики.

— Разрешите Аубу продолжить, джентльмены, — бесстрастно произнес Шуман.

Ауб снова взялся за работу, руки у него слегка дрожали. Наконец он произнес тихо:

— Это будет триста девяносто один.

Конгрессмен Брант снова достал свой счетчик и защелкал рычажками.

— Черт возьми, верно! Как он угадал?

— Он не угадывает, джентльмены, — возразил Шуман. — Он рассчитал результат. Он сделал это на листке бумаги.

— Чепуха, — нетерпеливо произнес генерал. — Счетчик — это одно, а значки на бумаге — другое.

— Объясните, Ауб, — приказал Шуман.

— Да, программист. Ну вот, джентльмены, я пишу семнадцать, а под ним — двадцать три. Потом я говорю: семь на три. Конгрессмен прервал мягко:

— Нет, Ауб, задача была умножить семнадцать на двадцать три.

— Да, я знаю, — серьезно ответил маленький техник, — но я начинаю с того, что умножаю семь на три, потому что так получается. А семь на три — это двадцать один.

— Откуда вы это знаете? — спросил конгрессмен.

— Просто запомнил. На счетчике всегда получается двадцать один. Я проверял много раз.

— Это не значит, что так будет получаться всегда, не правда ли? — заметил конгрессмен.

— Не знаю, — пробормотал Ауб. — Я не математик. Но, видите ли, мои результаты всегда точны.

— Продолжайте.

— Три на семь — это двадцать один, так что я и пишу двадцать один. Потом трижды один — три, так что я пишу тройку под двойкой...

— Почему под двойкой? — прервал вдруг Брант.

— Потому что... — Ауб обратил беспомощный взгляд к своему начальнику. — Это трудно объяснить.

Шуман вмешался.

— Если вы примете его работу, как она есть, то подробности можно будет поручить математикам.

Брант согласился.

Ауб продолжал:

— Два да три — пять, так что из двадцати одного получается пятьдесят один. Теперь начнем заново. Перемножим семь и два, это будет четырнадцать, потом один и два, это будет два. Сложим, как раньше, и получим тридцать четыре. И вот, если написать тридцать четыре вот так, под пятьдесят одним и сложить их, то получится триста девяносто один. Это и есть ответ.

Наступило минутное молчание, потом генерал Уэйдер сказал:

— Не верю. Он городит чепуху и складывает числа и умножает их так и этак, но я ему не верю. Это слишком сложно, чтобы быть разумным.

— О нет, сэр, — возразил смятенно Ауб. — Это только кажется сложным, потому что вы не привыкли. В действительности же правила довольно просты и годятся для любых чисел.

— Для любых, да? — произнес генерал. — Ну, так вот. — Он достал свой счетчик (военную модель старого стиля) и поставил его наугад. — Пишите на бумажке — пять, семь, три, восемь; это значит, это значит — 5 738.

— Да, сэр, — сказал Ауб и взял новый листок бумаги.

— Теперь... — Он снова заработал счетчиком. — Пишите: семь, два, три, девять. Число — 7 239.

— Да, сэр.

— А теперь перемножьте их.

— Это займет много времени, — прошептал Ауб.

— Занимайте.

— Валяйте, Ауб, — весело сказал Шуман.

Ауб принялся за дело, низко нагибаясь. Он брал один листок за другим. Генерал достал часы и смотрел на них.

— Ну что же, кончили колдовать, техник? — спросил он.

— Сейчас кончу, сэр. Готово, сэр. 41 537 382. — Ауб показал ему записанный результат.

Генерал Вейдер горько улыбнулся, передвинул контакты умножения на своем счетчике и подождал, пока цифры останвятся. А тогда он взглянул и сказал с величайшим изумлением:

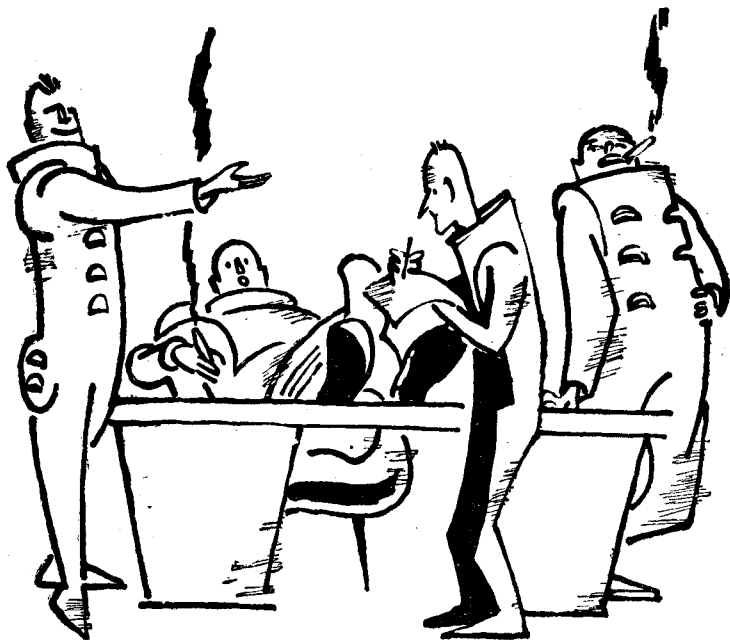
— Великие галактики, это верно!

Президент позволил своим подвижным чертам принять выражение глубокой, постоянной меланхолии. Денебианская война, начавшаяся как широкое популярное движение, выродилась в скучное маневрирование с постоянно растущим на Земле недовольством. Быть может, однако, оно росло и на Денебе.

А тут конгрессмен Брант, глава важного военного комитета, тратит свою получасовую аудиенцию на разговоры о чепухе.

— Расчеты без счетчика, — нетерпеливо произнес президент, — это противоречие понятий.

— Расчеты, — возразил конгрессмен, — это только система обработки данных. Это может сделать машина, может сделать и человеческий мозг. Позвольте привести вам пример. — И, пользуясь недавно приобретенными знаниями, он получал суммы и произведения, пока президент не заинтересовался против воли:

— И это всегда выходит?

— Каждый раз, мистер президент. Это абсолютно надежно.

— Трудно ли этому научиться?

— Мне понадобилась неделя, чтобы понять по-настоящему. Думаю, что дальше будет легче.

— Хорошо, — сказал президент, подумав. — Это интересная салонная игра, но какая от нее польза?

— Какая польза от новорожденного ребенка, мистер президент? В данный момент пользы нет, но разве вы не видите, что это указывает нам путь к освобождению от машины? Подумайте, мистер президент. — Конгрессмен встал, и в его звучном голосе автоматически появились некоторые из интонаций, какими он пользовался во время публичных дебатов. — Денебианская война — это война между счетными машинами. Денебианские счетчики создают непроницаемый заслон против нашего обстрела, наши счетчики — против их обстрела. Как только мы улучшаем работу своих счетчиков, другая сторона делает то же, и такое жалкое, бесцельное равновесие держится уже 5 лет...

А теперь у нас есть способ обойтись без счетчика, перепрыгнуть через него, обогнать его, мы сумеем сочетать механику расчетов с человеческой мыслью, мы сможем получить эквивалент счетчикам, миллиардам их. Я не могу предсказать все последствия в точности, но они обещают быть неисчислимыми. А если Денеб будет продолжать упрямяться, они станут катастрофическими.

Президент смутился.

— Чего вы хотите от меня?

— Поддержите в административном отношении секретный проект, касающийся людей-счетчиков. Назовем его проект «Число», если хотите. Я могу поручиться за свой комитет, но мне нужна административная поддержка.

— А каковы пределы возможности для людей-счетчиков?

— Пределов нет. По словам программиста Шумана, познакоившего меня с этим открытием...

— Я слышал о Шумане.

— Так вот, доктор Шуман говорит, что теоретически счетная машина не может делать ничего такого, чего не мог бы сделать человек. Машина попросту берет некоторое количество данных и производит с ними конечное количество операций. Человек может воспроизвести этот процесс.

Президент обдумал это, потом сказал:

— Если Шуман говорит, что это так, то я готов поверить ему — в теории. Но практически может ли кто-нибудь знать, как счетная машина работает?

Брант вежливо засмеялся.

— Да, мистер президент, я тоже спрашивал об этом. По-видимому, было время, когда счетные машины проектировались людьми. Конечно, эти машины были очень простыми — ведь это происходило еще до того, как были разработаны способы использования одних счетчиков для проектирования других, более совершенных.

— Да, да, продолжайте.

— Очевидно, техник Ауб в свободное время занимался восстановлением некоторых старых устройств; в процессе работы он

изучал подробности их действия и нашел, что может воспроизвести их. Умножение, проделанное мною сейчас, это только воспроизведение работы счетной машины.

— Поразительно!

Конгрессмен слегка откашлялся.

— Разрешите мне указать еще на одну сторону вопроса, мистер президент. Чем больше мы разовьем это дело, тем меньше усилий нам потребуется затрачивать на производство счетных машин и на их обслуживание. Их труд возьмут на себя люди, а мы используем океан освободившейся энергии на мирные цели, и средний человек будет все меньше ощущать гнет войны. А это, конечно, окажется полезным правящей партии.

— Ага, — сказал президент, — я вижу, к чему вы клоните. Хорошо, но мне нужно подумать... А сейчас садитесь, сэр, садитесь и покажите-ка мне еще раз фокус с умножением. Посмотрим, сумею ли я разобраться в нем.

Программист Шуман не торопил события. Лессер был консервативен, очень консервативен и любил работать со счетными машинами, как работали его отец и дед. И если удастся убедить его искренне примкнуть к проекту «Число», то это даст большие возможности, ведь он держит в руках западноевропейский комбинат счетных машин. Но Лессер упирался. Он сказал:

— Мне не нравится эта идея. Человеческий ум — капризная штука. Счетная машина дает на одну и ту же задачу всегда один ответ. Кто поручится, что человек будет делать то же?

— Разум человека, расчетчик Лессер, только манипулирует с фактами. Делает это он или машина — неважно. То и другое — лишь орудия.

— Да. Да. Я проследил за вашим остроумным доказательством того, как человек воспроизводит работу машины, но, моему, в нем многое не обосновано. Я могу согласиться с теорией, но есть ли у нас основания думать, будто теорию можно превратить в практику?

— Думаю, сэр, что есть. В конце концов счетные машины существовали не всегда. У пещерных людей с их каменными топорами и железными дорогами счетных машин не было.

— Может быть, они просто не вели расчетов.

— Ну уж тут сомневаться не приходится. Даже для строительства железной дороги или пирамиды нужно уметь рассчитывать, а люди делали это без тех счетных машин, какие мы знаем.

— Вы хотите сказать: они считали так, как вы мне показывали?

— Может, и не так. Этот способ, — мы назвали его «графитикой», от древнего европейского слова «графо» — «пишу», — разработан на основе счетчиков, так что, надо думать, он не мог предшествовать им. Но все-таки у пещерных людей должен был быть какой-то способ, верно?

— Забытое искусство! Если вы хотите говорить о забытых искусствах...

— Нет, нет. Я не сторонник этой теории, хоть она и не кажется мне невероятной. В конце концов мы знаем, что человек

питался зернами злаков до введения гидропонии, и если первобытные народы ели зерно, то, наверное, должны были выращивать злаки из почвы. Как же могло быть иначе?

— Не знаю, но поверю в выращивание из почвы, только когда увижу, что кто-нибудь вырастил что-нибудь таким способом. И поверю в добывание огня путем трения двух кремней друг о друга, если увижу, что кому-нибудь это удалось.

Шуман заговорил примирительно:

— Давайте будем держаться графитики. Это только часть процесса эфемеризации. Транспорт с помощью всяких громоздких приспособлений уступил место непосредственному телекинезису. Средства связи постепенно становятся все менее массивными и более надежными. А сравните свой карманный счетчик с неуклюжими машинами тысячелетней давности. Почему бы не сделать еще один шаг и не отказаться от счетчика совсем? Послушайте, сэр, проект «Число» — это верное дело; прогресс уже есть. Но нам нужна ваша помощь. Если вас не трогает патриотизм, то подумайте об интеллектуальной романтике!

Лессер возразил скептически:

— Какой прогресс?.. Что вы думаете делать, кроме умножения? Сумеете вы проинтегрировать трансцендентную функцию?

— Со временем сумею, сэр. Со временем. С месяц назад я научился производить деление. Я могу находить, и находить правильно, частное в целых и десятичных.

— В десятичных? До какого знака?

Программист Шуман постарался сохранить небрежный тон.

— До какого угодно.

Лицо у Лессера вытянулось.

— Без счетчика?

— Дайте мне задачу.

— Разделите двадцать семь на тринадцать. С точностью до шестого знака.

Через пять минут Шуман сказал:

— 2,076923.

Лессер проверил.

— Да, это поразительно. Умножение не очень захватило меня, потому что относится, в сущности, к целым числам, и я думал, что это просто фокус. Но десятичные!..

— И это не все. Есть еще одно достижение, пока еще сверхсекретное, о нем, строго говоря, я не должен был бы упоминать. Но все же... Возможно, что нам удастся овладеть квадратными корнями.

— Квадратными корнями?

— Там есть кое-какие занозы, которые мы еще не сумели сгладить, но техник Ауб — человек, изобретший эту науку и обладающий в ней большой интуицией, — он говорит, что почти уже решил эту проблему. А ведь он только техник. Для такого же человека, как вы, для опытного и талантливого математика, здесь не будет ничего трудного.

— Квадратные корни... — пробормотал заинтересованный Лессер.

— И кубические тоже. Идете вы с нами?

Рука Лессера вдруг протянулась к нему.

— Рассчитывайте на меня.

Генерал Уэйдер расхаживал по комнате взад и вперед, обращаясь к своим слушателям так, как вспыльчивый учитель обращается к упрямым ученикам. Генерал не задумывался о том, что его слушателями были ученые, стоящие во главе проекта «Число». Генерал был их главным начальником и помнил об этом каждый момент, когда не спал.

Он говорил:

— Ну, с квадратными корнями покончено, я не умею их извлекать и не понимаю метода, но все равно это замечательно. И все-таки нельзя уводить проект в сторону, к тому, что некоторые из вас называют основной теорией. Можете забавляться с графитикой сколько вам угодно по окончании войны, но в данную минуту нам нужно решать специфические и весьма практические задачи.

Техник Ауб в дальнем углу слушал его с напряженным вниманием. Правда, он теперь уже не был техником; его сняли с этой должности и причислили к проекту, дав ему звучный титул вместе с хорошим окладом. Но общественное различие осталось, и высокопоставленные ученые мужи никак не могли заставить себя смотреть на него, как на равного. Надо отдать Аубу справедливость: он и не добивался этого. Им было с ним так же неловко, как и ему с ними.

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

ЧУВСТВО СЛАБОСТИ

В разговорах на литературные темы мне не раз приходилось приводить такое сравнение: мечта подобна прожектору, установленному на корабле прогресса. Ее луч всегда будет забегать вперед, светя из современности. И когда говорят о том, что действительность обгоняет мечту, имеют в виду мечту вчерашнюю, ибо новая мечта заглядывает уже дальше, рождающий ее «прожектор мысли» продвинулся вместе с жизнью и ее достижениями. Мечта неотделима от современности, как неотделима и действительность от ярко светившей мечты.

Наша научная фантастика, по существу, стала литературой научной мечты. Подобно зеркалу действительности, усиленному линзой фантазии, она проектирует в будущее и реальные черты нашей действительности и прогрессивные чаяния современности. И этот вид литературы лишь в том случае достигает своей цели, когда носителем этих черт и чаяний становится ЧЕЛОВЕК, герой произведения, а не голая его идея. Мало говорить о мечте, надо ее художественно показывать через человека.

Однако можно и совсем по-другому «видеть» будущее... Фантазия писателя, и не поднимаясь до уровня мечты, может служить ему острым оружием разоблачения. Вспомним Уэллса. Разве он мечтал о нашествии жестоких марсиан? Совсем нет! Он лишь показывал в условиях придуманного им потрясения гнилую сущность современного ему общества. Разве он мечтал о вырождении угнетенных и угнетающих классов в различные биологиче-

Генерал продолжал:

— Наша цель, джентльмены, проста: мы должны заменить счетную машину. Звездолет без счетчика можно построить впятеро быстрее и вдесятеро дешевле, чем со счетчиком. Если нам удастся обойтись без счетчиков, мы построим флот в пять, а то и в десять раз крупнее денебианского.

Но есть кое-что еще и в перспективе. Сейчас это покажется вам фантазией, пустой мечтой, но в будущем я предвижу боевые ракеты с людьми на борту.

По аудитории пронесся шепот.

Генерал торжествующе оглядел аудиторию.

— В настоящий момент нас больше всего лимитирует тот факт, что боевые ракеты лишены разума. Чтобы управлять ими, счетная машина должна быть слишком большой. Кроме того, ракеты с трудом приспособляются к постоянно меняющемуся характеру противоракетной защиты. Лишь очень немногие из них достигают цели, и ракетная война заходит в тупик — для неприятеля, к счастью, так же, как и для нас.

С другой стороны, ракета даже с одним человеком на борту, контролируемая во время полета с помощью графитики, будет легче, маневренней, разумнее. Это даст нам такое преимущество, которое вполне может привести к победе. В свою очередь,

ские виды — в загнанных в подземелья трудолюбивых морлоков и изнеженных до скотоподобия злоев, пригодных лишь на поставку в пищу их нежного мяса? Нет! Уэллс лишь показывал в своей «Машине времени» (в принципе неосуществимой), куда может завести современное ему общество, если оно останется неизменным. Он будто восклицал: «ТАК ДАЛЬШЕ ПРОДОЛЖАТЬСЯ НЕ МОЖЕТ!»

Этот возглас и поныне служит как бы лозунгом целого направления западной прогрессивной фантастики, которая негативными картинками предостерегает против опасных тенденций в современном мире.

Так протестовал против нарождавшегося фашизма Карел Чапек в своем романе «Война с саламандрами». Так протестуют против тупика истории, куда идет современное им общество, американские писатели Рэй Брэдбери, Том Годвин, Исаак Азимов. Их произведения противостоят мутному потоку литературной дешевки, использующей гиперболизацию научных достижений во имя погони все тех же детективов за все теми же гангстерами (но на космических кораблях), во имя «подвигов» все тех же суперменов, похищающих все тех же блондинок (но в космических костюмах), во имя привычных колониальных ситуаций (но на других планетах), во имя расистского пренебрежения к жалким трехпалым (или земноводным) туземцам, выпрашивающим подаяние у гордых суперменов — землян.

Прогрессивные писатели Запада не для игры на острых ощущениях создают свои романы о возможной гибели цивилизации. Таков роман австралийского писателя Невилла Шата (по которому сделан известный фильм «На последнем берегу») — он предостерегает человечество от подобного конца. К такому же типу

джентльмены, условия войны заставляют нас думать еще об одном. Человеческий материал гораздо дешевле счетной машины. Большое количество ракет с людьми можно будет использовать в таких обстоятельствах, в каких ни один генерал не решился бы рисковать, имея в распоряжении только ракеты со счетчиками...

Он сказал еще много другого, но техник Ауб не слушал больше.

В тишине своего жилища техник Ауб долго трудился над письмом, которое хотел оставить. Вот оно:

«Когда я начал работать над тем, что сейчас называется графитикой, это было развлечением. Я не видел в нем ничего, кроме интересной забавы, умственной гимнастики.

Когда был создан проект «Число», то я подумал, что другие окажутся умнее меня, что графитику можно будет употребить на благо человечеству, — быть может, в разработке действительно практичных телекинетических приспособлений. Но теперь я вижу, что она будет использована только для смерти и уничтожения.

произведений относятся и некоторые романы «о диких потомках», сохранившихся после истребительных катастроф на Земле; основу этому направлению положил еще Джек Лондон в «Алой чуме».

Остро выражает свою горькую заботу о будущем Рэй Брэдбери. Его роман «451° по Фаренгейту» и многие рассказы беспощадно обнажают мрачные тенденции, характерные для современного американского общества: расизм и маккартизм, лжедемократию и ханжество, оболванивание техникой, замену стандартом мышления и безумие балансирования на грани ядерной войны. Едко звучит повесть о «пожарниках будущего», на долю которых останется лишь сжигание тайно сохранных «ослушниками» книг... Мысль о таких пожарах не выдумка. Брэдбери отталкивался от действительности, от пылавших на перекрестках современных американских городов костров, на которых сжигались книги Марка Твена, Горького, Маркса... Характерно, что эта «выдумка» стала причиной реального пожара. Фашиствующие молодчики Рокуэлла подожгли собственный дом писателя. Этот поджог — «рецензия» на произведение прогрессивного фантаста.

Брэдбери не одинок. Его соратника и единомышленника видим мы и в профессоре биохимии Принстонского университета Азимове.

С помощью обычных «героев» своих произведений — роботов (которым кое-кто из спасителей обреченной капиталистической системы готов вверить даже управление государствами) Азимов высмеивает современное ему общество. В этом отношении характерен его рассказ «ЧУВСТВО СИЛЫ», публикуемый в «Искастеле».

Я не в силах нести ответственность за то, что изобрел графитику».

Окончив, он тщательно навел фокус белкового деполаризатора на себя и умер мгновенно и безболезненно.

Они стояли над могилой маленького техника, слушая, как воздавалась должная честь его открытию.

Программист Шуман склонял голову вместе с остальными, но оставался спокойным. Техник сделал свое, и нужды в нем больше не было. Конечно, он изобрел графитику, но, раз появившись, она будет развиваться самостоятельно, могуче, победно, пока не появятся ракеты с экипажем и прочие чудеса.

«Семь на девять равняется шестидесяти трем, — подумал Шуман с глубоким удовлетворением, — и чтобы решить это, счетная машина мне не нужна. Она — у меня в голове».

И поразительным было чувство силы, которое дала ему эта мысль.

Сокращенный перевод с английского З. БОБЫРЬ

Сколько иронии звучит в каждой строчке!

Дело здесь не только в сочетании высокой техники и невежества — сочетании характерном, кстати, и для современной Америки, а в том, что пользующиеся высокой техникой джентльмены перестают думать вообще!..

И не чувство силы, а ЧУВСТВО СЛАБОСТИ нарисованного мира, так напоминающего современный, раскрывает Азимов.

Ясно, что Азимов не мог бы написать об этом чувстве слабости прямо, он едко назвал свой рассказ «Чувство силы», он скрылся за щит фантастики. Его герой изобрел не новую сверхбомбу, а... школьную арифметику, но обличительная острота рассказа от этого не снизилась. Рассказ рассчитан на умного, проникающего между строк читателя, готового протянуть писателю руку для совместного протеста против безумия военных приготовлений, против стремления генералов Пентагона использовать любые достижения человеческой мысли против людей же, для целей войны.

Мы, советские фантасты, хотим дружественного разговора с прогрессивными американскими писателями. Выяснится, быть может, больше общности стремлений, чем различия литературного стиля и подхода.

Фантастика в произведениях прогрессивных писателей США остается зеркалом действительности, но в нем она предстает перед нами гротесково, сатирически преломленной «лупой советски» честных американцев.

Прогрессивная фантастика — острое оружие литературы, которое может, используя возможности жанра, послужить делу прогресса и мира на Земле.
